

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2013 г.

ΙΣΑΙΟΥ
ΛΟΓΟΙ

ИСЕЙ
РЕЧИ

Перевод с древнегреческого *Г.А. Тароняна*

Исей уже в древности был включен в канон десяти аттических (= афинских) ораторов (Антифонт, Андокид, Лисий, Исократ, Исей, Эсхин, Демосфен, Гиперид, Ликург, Динарх). Но о нем известно мало (см. ниже Свидетельства об Исее).

Сохранилось одиннадцать речей Исея в двух рукописях XIII–XIV вв. Сейчас в изданиях речей Исея под номером XII речи помещается отрывок, который приводит Дионисий Галикарнасский в сочинении «О древних ораторах» (см. ниже). Кроме сохранившихся речей Исея, из поздней греческой литературы (и лексикографов) известны названия 43 несохранившихся речей Исея.

На основании датировок речей время жизни и деятельности Исея относят к первой половине IV в. до н.э.

См. *Blass F.* Attische Beredsamkeit. II. 2. Aufl. Lipsiae, 1892. S. 490 ff. (об Исее); *The Speeches of Isaeus with Critical and Explanatory Notes by William Wyse.* Cambr., 1904; *Moy L.* Étude sur les plaidoyers d'Isée. P., 1876; *Wevers R.F.* Isaeus: Chronology, Prosopography, and Social History. The Hague–Paris, 1969 (Studies in Classical Literature, 4).

Перевод речей Исея сделан по изданиям: *Isaei orationes cum deperditarum fragmentis post Carolum Scheibe iterum edidit Th. Thalheim.* Lipsiae, 1903; *Isée. Discours. Texte établi et traduit par P. Roussel.* P., 2003 (первое изд. 1922 г.; coll. Budé, 38); *Isaeus, with an English Translation by E.S. Forster.* Cambr. (Mass.)–L., 1943 (первое изд. 1927; Loeb Classical Library, 202).

Таронян Гайк Арутюнович – старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Дионисий Галикарнасский

Дионисий Галикарнасский (после 63 г. – после 8 г. до н.э.), греческий ритор, учитель ретирики, искусства красноречия. С 30 по 8 г. до н.э. он жил в Риме, где изучал латинский язык, римскую литературу и культуру. Написал исторический труд «Древняя история Рима» (8 г. до н.э., в 20 книгах, сохранился не полностью). Был в Риме преподавателем ретирики. Частично сохранились и его реторические сочинения, исследования о стиле и литературная критика. Дионисий был горячим сторонником аттицизма (аттического направления в реторике) и ярким противником азианизма (напыщенного стиля в реторике)¹.

В общем предисловии к трактату «О древних (или старинных? – Г.Т.) ораторах. Лисий. Исократ. Исей» Дионисий пишет:

4. ... (5) а взяты будут три оратора из старших, Лисий, Исократ, Исей, а три из тех, расцвет жизни которых относится ко времени после них, Демосфен, Гиперид, Эсхин², – их я лично считаю самыми лучшими из всех...

ИСЕЙ АФИНЯНИН

1. (1) Исей, ставший учителем Демосфена и главным образом поэтому ставший всем известным, как передают некоторые, был афинянин родом, а как пишут другие, – халкидянин³. Расцвет его жизни относится ко времени после Пелопоннесской войны⁴, как я заключаю по его речам, и прожил он до времени господства Филиппа⁵.

(2) А точного времени рождения и кончины этого оратора я не могу указать, ни даже сказать о жизни этого человека, каким он был, ни о его политических предпочтениях, предпочитал ли он какое-нибудь правление⁶ или народовластие⁷, ни вообще ни о чем из таких

¹ См. обстоятельное комментированное издание его реторических небольших сочинений: *Denys d'Halicarnasse. Opusculs rhétoriques / Texte établi et traduit par G. Aujac*. T. I. Les orateurs antiques. P., 1978; T. II. Démosthène. P., 1988; T. III. La Composition stylistique. P., 1981 (русский перевод этого сочинения – «О соединении слов» – см. в кн.: Античные ретирики. М., 1978. С. 167–221); T. IV. Thucydide; Seconde lettre à Ammée. P., 1991; T. V. L'Imitation; Première lettre à Ammée; Lettre à Pompée Gémios; Dinarque. P., 1992 (coll. Budé, 259, 321, 283, 343, 351).

² Части о Гипериде и Эсхине не сохранились (может быть, Дионисий и не успел написать здесь о них?).

³ «халкидянин» – уроженец или житель Халкиды, главного города на острове Эвбея, лежащем вдоль восточного побережья Средней Греции и Аттики. См. ниже: *Псевдо-Плутарх*. Жизнеописание десяти ораторов. 839 e–f, где сообщается, что Исей был халкидянин родом, но прибыл в Афины и проучился у Лисия. Обычно считают, что Исей не был афинским гражданином, а был в Афинах метеком. Метеки в Афинах – чужеземцы, которым разрешено жить в Афинах, платя особый налог, но у них не было прав гражданства. Однако это, может быть, и не так. В афинской практике колонизации была так называемая клерухия, т.е. выведение колоний на завоеванные территории, куда выселялись афинские граждане, которые наделялись землей там. При этом они сохраняли свои права афинского гражданства и могли возвращаться на постоянное проживание в Афины. Особенно развита была эта практика в Афинах с 506 г. до н.э. Самый древний пример этого – Халкида, куда была выведена клерухия. Возможно, Исей был сыном такого клеруха в Халкиде, вернулся в Афины (с отцом или без отца) и пользовался правами гражданина.

⁴ Пелопоннесская война – 431–404 гг. до н.э.

⁵ Филипп II, македонский царь (359–336 гг. до н.э.), завоевавший почти всю Грецию, отец Александра Македонского.

⁶ «правление» – ἀρχή. По всей видимости, имеется в виду «монархия» или «олигархия» или «тирания».

⁷ «народовластие» – πολιτεία, т.е. демократический строй.

вопросов, так как мне не попадались никакие такие сведения. Ведь даже Гермипп⁸, описавший учеников Исократ⁹, обстоятельный во всем остальном, об этом ораторе не сказал ничего, кроме двух этих вещей: что он был слушателем Исократ, учителем Демосфена; он общался с лучшими из философов¹⁰.

2. (1) Остается, таким образом, говорить о его предпочтении вида красноречия и силе и о том, каков его стиль¹¹ в его речах. Так вот, заниматься он стал одним видом красноречия – судебным, и главным образом к этому приложил все свое усердие. (2) А в стиле он по большей части был ревностным последователем Лисия¹², и если кто не был бы искушен очень в них и не имел бы значительного опыта в них обоих, тот не смог бы с легкостью распознать многие из их речей, которому из этих двух ораторов они принадлежат, да его будут сбивать с толку заглавия, не такие точные, как я поясню это в одной моей работе¹³. (3) Конечно же, сходство стиля не неотличимо, но есть некоторые различия, не мелкие и не малочисленные, и в словесном выражении, и в изложении дела, о чем, пожалуй, пора говорить, как мы понимаем это, (4) поскольку он более подобен Лисию по слогу¹⁴, то я, положив начало со слога, буду говорить о тех сходствах и различиях, которые у него имеются по сравнению со слогом Лисия.

3. (1) Чистый, точный, ясный, с прямым значением слов, отчетливый и сжатый, к тому же убедительный и соответствующий предметам речи, закругленный и свойственный судебному красноречию слог Исея не уступает слогу Лисия, и во всем этом едва ли кто мог бы различить его.

(2) А отличается он от слога Лисия, можно счесть, вот в чем: слог Лисия более прост и более соответствует нраву говорящего, слагается он естественнее и украшен фигурами более просто, с большими приятностью и обаянием. (3) Слог же Исея, можно счесть, искуснее и тщательнее слога Лисия, в сочетании слов он, по сравнению со слогом Лисия, некий чрезмерно изысканный и фигурами¹⁵ разукрашен разнообразными, и насколько он уступает в обаянии слогу Лисия, настолько превосходит его поразительностью искусных приемов, и они действительно есть в какой-то мере источник силы Демосфена. Так вот, слог их можно распознать таким образом, (4) а в изложении дела можно будет найти следующие некоторые различия. (5) У Лисия можно будет увидеть не большую искусность, ни в разделении излагаемого дела на части, ни в расположении энтимем¹⁶, ни в их отточенности: он ведь прост. (6) У Исея же все это можно будет найти уже ставшим более тщательным и более искусным. Он ведь прибегает к более искусным подступам, предуготовлениям и разделениям на части, помещает все там, где это выигрышно¹⁷, намного продвигает отточенность эпихирем¹⁸, разукрашивает речь сменами фигур ведения судебного спора и обращения к чувствам. (7) А судей берет хитрым приступом, делу, в защиту которого составлена речь, всячески пытается помочь.

⁸ Гермипп Смирнский или Перипатетик, III в. до н.э., биограф, написал большое произведение о знаменитых авторах. Сохранились незначительные отрывки. Он был также автором сочинения об учениках Исократ. По Гермиппу, Исей был учеником Исократ.

⁹ Исократ (436–338 гг. до н.э.), знаменитый афинский оратор и учитель реторики, у которого было много учеников (школа Исократ).

¹⁰ «он общался... философов» – неясно, добавление ли это Дионисия Галикарнасского или продолжение сообщения Гермиппа (т.е. в таком случае «что он был слушателем Исократ, учителем Демосфена» следует считать за один факт?). Некоторые исключают эту фразу из текста.

¹¹ «стиль» – *χαρακτήρ* (собственно, «чекан», «характер»).

¹² Лисий (ок. 445 – ок. 380 гг. до н.э.), выдающийся афинский оратор, логограф.

¹³ «в... работе» – *γραφή*. Имеется в виду критический трактат Дионисия о Лисии. Не сохранился. Эти заглавия речей были в таблицах, где они были не очень точными и поэтому могла быть путаница. Дионисий исследовал их и устанавливал подлинность речей.

¹⁴ «слогу» – *κατὰ τὴν λέξιν*.

¹⁵ «фигурами» – *σχηματισμοίς* (*σχήματα* – фигуры речи).

¹⁶ «энтимем» – *ἐνθύμημα*.

¹⁷ «помещает... выигрышно» – место испорчено.

¹⁸ «эпихирем» – *ἐπιχίρημα*. Об энтимемах и эпихиремах см. ниже, § 16 с прим. 51.

4. (1) А чтобы разница между ними стала более очевидной, я воспользуюсь неким подобием из области зримых вещей. Есть, вот, некоторые старинные картины, красками выполненные просто, без всякого разнообразия, достигаемого смешением красок, но с тщательным рисунком, в котором есть большая обаятельность. (2) Картины же после них выполнены с менее тщательным рисунком, но более отделанно, разнообразимые светом и тенью, достигая силы благодаря множеству смешения красок. И вот старинным картинам подобен Лисий по простоте и обаянию, а тщательно отделанным и искусным – Исей.

(3) Было о нем мнение в его время, что он умеет околдовывать и вводить в обман, что он ловок в искусстве составлять речи в пользу дурных дел, и его осуждали за это. (4) А ясно показывает это один из древних ораторов в обвинении против Демосфена Пифей¹⁹, как мне кажется: сказав, что вся подлость и порочность человеческая обитает в Демосфене, он добавляет и всю вот эту часть в осуждение, что Демосфен насыщен всем Исеем и уловками его речей. И, клянусь Зевсом, осуждению этому и тот, и другой подвергался не без основания. (5) Мне-то вот речи Исея и Демосфена, даже если содержание их касается правдивого и справедливого дела, кажутся подозрительными из-за большой искусности, а речи Исократа и в особенности Лисия – справедливыми и правдивыми, даже если не таковы излагаемые в них дела, потому что они не выказывают ничего злокозненного при искусных приемах, но (это) какие-то подобающие свободному человеку и простые [речи].

5. (1) Вот эти, кажется мне, существуют различия, на основании которых без затруднения можно было бы распознать речи Лисия и Исея. А правильно ли я понимаю, любому можно будет рассмотреть, разбирая примеры. (2) Начну же я с наблюдений относительно слога.

Есть вот речь одна Исея в защиту Эвмата²⁰, метека одного, из занимавшихся трапезитным делом²¹ в Афинах, которого пытается увести в рабство наследник отпустившего его на волю²², а один из граждан не дает ему сделать это, заявляя, что тот свободный, и выступает с защитой его. А вступление этой речи таково:

«Граждане судьи, я и прежде Эвмату вот этому был полезен справедливым образом, и сейчас, если это сколько-нибудь по моим силам, попытаюсь спасти его вместе с вами. Выслушайте меня немного, чтобы никто из вас не подумал, будто я взялся за дела Эвмата по опрометчивости или по какой-нибудь другой несправедливости. Дело в том, что когда я был триерархом²³ в архонтство Кефисодота²⁴ и к моим родным пришла такая весть, будто бы я погиб в морском сражении, а поскольку у меня был вклад у Эвмата вот этого, Эвмат, позвав к себе моих родных и друзей, объявил им о моих деньгах, которые находились у него, и отдал все правильно и справедливо. За это я, спасшись, стал еще больше иметь дело с ним и, когда он устраивал свою трапезу, я содействовал ему в обеспечении деньгами, и после этого, когда Дионисий пытался увести его в рабство, я не дал сделать это, заявив, что он свободный, зная, что он был отпущен на волю Эпигеном в суде. Но с этим я повременю».

6. (1) Есть вот и у Лисия один выступающий в защиту чужеземца, привлеченного к суду по делу о наследстве. Эту речь Каллимах²⁵ озаглавливает «В защиту Ференика по делу о наследстве Андроклида»²⁶, и состоялась она в тяжбе на много лет раньше той. В ней

¹⁹ «Пифей» – оратор, младше Демосфена.

²⁰ Эта речь – фрагмент речи Исея (VIII. 1).

²¹ «трапезитное дело» – меняльное дело, меняльная лавка.

²² «на волю» – т.е. Эвмат был вольноотпущенником.

²³ Триерарх – богатый гражданин, исполняющий общественную повинность. Он должен был снарядить на свой счет для государства военный корабль, экипировать и содержать его, а также командовать им.

²⁴ Кефисодот – архонт 358/357 г. до н.э.

²⁵ Каллимах (ок. 300 – ок. 240 гг. до н.э.) – поэт и ученый. По поручению царя Птолемея II Филадельфа составил каталог Александрийской библиотеки в Александрии.

²⁶ См. *Лисий*. Речи. XLII (фрагменты).

выступающий в защиту чужеземца прежде всего указывает причину своего выступления, как и заявляющий, что метек – свободный. А вступление этой речи такое:

«Мне необходимо, думаю, граждане судьи, прежде всего сказать вам о дружбе моей с Фереником, чтобы никто из вас не удивлялся тому, что я, никогда прежде не выступавший ни в чью вашу защиту, теперь вот выступаю в защиту его. Я был связан, граждане судьи, узами гостеприимства с Кефисодотом, отцом его, и когда мы находились в бегстве²⁷, и я, и всякий желающий из афинян обретали пристанище у него в Фивах, и мы вернулись к себе домой, испытав много добрых услуг с его стороны и в частном, и в государственном отношении. Так вот, когда потом их постигла та же участь²⁸ и они, обратившись в бегство, прибыли в Афины, я, считая себя обязанным им величайшей благодарностью, так по-родному принял их у себя, что никто из приходивших не мог распознать, – кроме тех, кому это раньше было известно, – кто из нас хозяин дома. Знает, конечно, и Ференик, граждане судьи, что многие лучше меня умеют говорить и более искушены в таких делах, но все же считает, что моя близость с ним – самое надежное. Так вот, мне кажется постыдно, тогда как он убедительно просит помочь ему в справедливости, допустить, насколько могу это я, чтобы он лишился отказанного ему Андроклидом».

7. (1) Чем же отличаются друг от друга эти вступления? У Лисия зачин приятен, и это благодаря ничему иному более, чем тому, что сказано как-то естественно и просто: «Мне необходимо, думаю, граждане судьи, прежде всего сказать вам о дружбе моей с Фереником». И то, что говорится вслед за этим, представляется еще более безыскусным, и это сказанное мог бы сказать всякий простой человек: «Чтобы никто из вас не удивлялся тому, что я, никогда прежде не выступавший ни в чью вашу защиту, теперь вот выступаю в защиту его». (2) У Исея же кажущаяся простота сработана искусностью, и не остается незаметным, что она риторическая: «Я и прежде Эвмату вот этому был полезен справедливым образом, и сейчас, если это сколько-нибудь по моим силам, попытаюсь спасти его...». Это высокопарнее и менее проще, чем то, и еще более – следующее за этим: «Выслушайте меня немного, чтобы никто из вас не подумал, будто я взялся за дела Эвмата по опрометчивости или по какой-нибудь другой несправедливости». Ведь и «опротечивость», и «несправедливость», и «взяться за дела Эвмата» – на деланность скорее похоже, чем на непосредственность. (3) И опять-таки у Лисия основание выступления указывается незамысловато: «Я был связан узами гостеприимства, граждане судьи, с Кефисодотом, отцом его, и когда мы находились в бегстве, и я, и всякий желающий из афинян обретали пристанище у него в Фивах». Следующее за этим добавляется приятно кратко: «И мы вернулись к себе домой, испытав много добрых услуг с его стороны и в частном, и в государственном отношении». (4) У Исея же выражено с излишеством и не далеко отстоит от искусных приемов Демосфена: «Дело в том, что когда я был триерархом в архонтство Кефисодота и к моим родным пришла такая весть, будто бы я погиб в морском сражении, а поскольку у меня был вклад у Эвмата вот этого». В самом деле, я-то не сказал бы, что «пришла такая весть», «будто бы я погиб в морском сражении» и «а поскольку у меня был вклад» выражены просто. Ведь говоримое было бы скорее не деланным вот как: «Дело в том, что когда я был триерархом и здешних известили, будто бы я погиб, Эвмат вот этот, державший у себя мой вклад...»²⁹.

8. (1) Да и остальные части этих вступлений можно найти у одного выраженными более просто, у другого – более риторически.

²⁷ «в бегстве» – т.е. в изгнании: имеется в виду бегство афинских демократов в Фивы во время правления Тридцати (тиранов) в 404 г. до н.э. Фивы – главный город Беотии (к северу от Атики).

²⁸ «та же участь» – в 383 г. до н.э., когда после победы спартанцев фиванским демократам пришлось бежать в Афины.

²⁹ У Исея это предложение построено так, что в начале идут подряд три причастных оборота (родительный самостоятельный), затем главное предложение с деепричастием. Дионисий заменяет эти обороты придаточными временными и причинными предложениями, имеющими тот же смысл (например, первый причастный оборот можно было бы перевести «в бытность мою триерархом» и т.д.), и упрощает другие выражения.

(2) А в другой тяжбе, опять-таки, Исей, сочинивший защитительную речь для одного опекуна, обвинявшегося своим собственным племянником³⁰, прибегает к такому началу:

«Я хотел бы, граждане судьи, чтобы Гагнотей³¹ относился к деньгам не так слишком постыдно, чтобы зариться, злоумышляя, на чужое и вчинять такие иски, но поскольку он мой племянник и правомочный своего отцовского состояния, не малого, но достаточного даже для исполнения общественных повинностей, переданного ему нами, я хотел бы, чтобы он заботился об этом состоянии, а моего имущества не домогался, дабы и быть в мнении всех более добропорядочным, сохраняя свое состояние, и приумножая его, представлять себя вам более полезным гражданином. Но поскольку свое состояние он промотал, распродал, постыдно и порочно сгубил, как я не хотел бы, а полагаясь на гетерии³² и стряпню речей, подступил к моему, по необходимости приходится, похоже, считать несчастьем то, что он – такой, он, близкий родственник, да защищаться против того, в чем он обвинил меня и что наклеветал на меня без всякого отношения к делу, защищаться, как сможем с предельной готовностью перед вами».

(3) Лисий же, написавший речь³³ для человека, обвинявшегося братьями своей жены в дурном опекунстве, прибегает к такому вступлению:

«Мало, граждане судьи, опекунам всех тех хлопот, какие они имеют из-за опекунства, так даже сохраняя в целости состояния своих друзей, многие подвергаются облыжному сутяжничеству со стороны сирот. Именно это и со мной теперь случилось: я, граждане судьи, оставленный в опекуны имущества Гиппократы, распорядившись правильно и справедливо этим состоянием и передав его сыновьям, по испытании признанным совершеннолетними, то имущество, опекуном которого я был оставлен, теперь подвергаюсь облыжному сутяжничеству с их стороны не по справедливости».

9. (1) Не во многих, думаю, нуждается словах то, что это и сказано просто и приятно, и нрав обнаруживает не выделанный, а естественный. Ведь никто не сказал бы, что выражение «Мало, граждане судьи, опекунам всех тех хлопот, какие они имеют из-за опекунства» свойственно оратору, а не всякому простому человеку, вовлеченному в несправедливую тяжбу. Но все утверждали бы, что выражение Исея составлено риторически и украшено словами более высокопарно: «Я хотел бы, граждане судьи, чтобы Гагнотей относился к деньгам не так слишком постыдно, дабы зариться, злоумышляя, на чужое». (2) И еще более – что у Лисия «Я, граждане судьи, оставленный в опекуны имущества Гиппократы, распорядившись правильно и справедливо этим состоянием и передав его сыновьям, по испытании признанным совершеннолетними, то имущество» сказано обаятельно очень и просто, у другого же³⁴ – обстоятельнее и не так, как сочетал бы слова простой человек: «Но поскольку он-то мой племянник и правомочный своего отцовского состояния, не малого, но достаточного даже для исполнения общественных повинностей, переданного ему нами, я хотел бы, чтобы он заботился об этом состоянии».

(3) Я помню еще один род, из чего в особенности станут очевидными различия между ними.

10. (1) И тот, и другой вот изображают простого человека, неделового, молодого, против своей воли и природы вынужденного говорить в суде, Лисий в речи «Против Архебиада» – таким образом:

«Как только Архебиад подал против меня этот иск, граждане судьи, я пошел к нему и говорил, что я молод и неопытен в делах и мне вовсе ни к чему ходить в суд. “Так вот, я считаю, что ты не должен видеть в моем возрасте счастливую находку для меня, но дол-

³⁰ «племянником» – по конъектуре. В тексте: одним племянником.

³¹ «Гагнотей» – Ἀγνόθειον, конъектура вместо рукописного ἀγνοήθῃντα. Есть и другие конъектуры.

Здесь – фрагмент III по французскому изданию Русселя.

³² Гетерия – общество, товарищество, политическая организация, союз для поддержки друг друга (в том числе при судебных процессах). Они были настроены против демократии.

³³ Это речь Лисия против сыновей Гиппократы (фрагмент).

³⁴ «у другого» – т.е. у Исея.

жен, собрав моих друзей и твоих, рассказать относительно этого денежного долга, откуда он происходит. И если они решат, что ты говоришь правду, тебе не нужно будет никаких хлопот, получишь свое и пойдешь. (2) Но справедливо, чтобы ты не упустил ничего, и сказал полностью все, поскольку я родился после заключения этого обязательственного договора, дабы мы, услышав о том, чего мы не знаем, обдумали то, о чем ты говоришь, если станет как-то ясно, по несправедливости ли ты домогаешься моего или по справедливости доискиваешься получить обратно свое». Хотя я предлагал все это, он так и не захотел ни сойтись, ни повести речь о том, в чем он обвинял, ни передать дело на третейское решение, пока вы не примете этот закон о третейских судьях».

(2) Исей же в оспаривании имения, удержанного членами дема, кому это имение было заложено, выводит прибегающего к такому началу³⁵:

«Более всего хотел бы я, граждане судьи, не подвергаться несправедливости со стороны ни одного из моих сограждан или уж встретить таких судебных противников, спор с которыми нисколько не беспокоил бы меня. Однако со мной случилось самое огорчительное из всех дел: я подвергаюсь несправедливости со стороны членов моего дема, допускать которым лишать меня имущества нелегко, а быть с ними в ненависти – неприятно, поскольку я по необходимости должен вместе с ними принимать участие и в жертвоприношениях, и в схождениях общих. Против большого числа противников, конечно, трудно судиться. Ведь само множество их в значительной мере способствует созданию впечатления, будто они говорят правду. И все же, полагаясь на все то, что действительно было, несмотря на много досадных обстоятельств у меня, я считал, что не должен отказываться от попытки добиваться с вашей помощью справедливости. Так я прошу вас быть снисходительными к тому, что я, хоть и молодой, осмелился говорить в суде. Это ведь из-за несправедливо поступающих вынуждаюсь я, вопреки своему обыкновению, делать нечто такое. Я попытаюсь рассказать вам об этом деле с самого начала, как смогу покороче».

11. (1) Кто же не согласился бы с тем, что молодой Лисия – и простой человек, и неделовой, некий подлинник правды, не отличающийся от нее ничуть, другой же³⁶ – некое подобие, не оставляющее незаметным, что оно сотворено с помощью риторического искусства? Действительно, и слог, и мысли выказывают у того непосредственность, а у этого – искусственность. (2) Один-то прибегает к такому началу, что он молод и неопытен в делах и ему вовсе ни к чему в суд ходить. И прибавляет очень в соответствии со своим нравом: «Так вот, я считаю, что ты не должен видеть в моем возрасте счастливую находку для меня...». И после этого, как естественно было, чтобы и произошло, и было сказано, говорит, что считает, что друзья каждой стороны должны собраться на третейское судейство: «И если они решат, что ты говоришь правду, тебе не нужно будет никаких хлопот, – получишь свое и пойдешь». И остальное все изложив в соответствии со своим порядочным нравом, в заключение добавляет: «Хотя я предлагал все это, он так и не захотел ни сойтись...».

(3) Исей же эту вот часть, что человек против своей воли вынужден говорить в суде, хотя и молод, помещает в конце вступления. А начинается он с рассуждения, не слабого, клянусь Зевсом, и не свойственного простому человеку, говоря, что очень удручает быть в ненависти с теми, с кем по необходимости приходится соучаствовать в самых чтимых делах. Затем говорит о том, что может причинить ему огорчения, а именно, то обстоятельство, что судится против него много членов дема. (4) И слова сочетает он недурно, клянусь Зевсом, и не так, как сочетал бы простой человек: «я подвергаюсь несправедливости со стороны членов моего дема, – говорит он, – допускать которым лишать меня имущества нелегко, а быть с ними в ненависти – неприятно, поскольку я по необходимости должен вместе с ними принимать участие в жертвоприношениях и в схождениях общих». В самом деле, «неприятная ненависть» и «общие схождения» сочетаются скорее искусно, чем просто, и еще: «несмотря на много досадных обстоятельств у меня, я считал, что не должен отказываться от попытки добиваться с вашей помощью справедливости». Простой человек ведь сказал бы менее всего так: «от попытки добиваться с вашей помощью справедливости», а

³⁵ Это – фрагмент V во французском издании Русселя.

³⁶ «другой же» – т.е. молодой у Исея.

скорее каким-нибудь таким образом: «...при стольких-то досадных обстоятельствах у меня, я вынужден прибегнуть к вам, чтобы добиться справедливости с вашей помощью».

12. (1) Так вот, думаю, и из всего этого не неясно различие между ними. Тем не менее и из всего того, о чем дальше будет говориться, оно станет более очевидным, и в особенности из приведения доказательств и обращения к чувствам в речах, в чем Лисий более прост как-то, и по сочетанию слов, и по обыкновенности фигур речи, Исей же – более разнообразен. Много ведь можно, посмотрев, найти у Исея, как, например, в этом:

«Во имя богов, на основании чего сказанное должно вызывать доверие? Не на основании ли свидетельств? Да, думаю. А на основании чего – свидетели? Не на основании ли прибегания к допросам под пыткой? Да, естественно. А на основании чего же слова их должны вызывать недоверие? Не на основании ли их отказа от средств доказательства? Всенепременно. Ясно, стало быть, что я преследую эти цели и веду хлопоты к проведению допросов под пыткой, а что вот он обратился к клевете и россказням, именно к тому, что сделал бы стремящийся получить перевес. А должен был он, если только в помыслах у него была какая-то справедливость и он не доискивался сбить вас с толку, клянусь Зевсом, не это делать, но прибегнуть к расчету при свидетелях и разбирать каждую статью в счете, спрашивая у меня таким образом: – Взносов насчитываешь ты сколько? – Столько-то. – В соответствии с какой имущественной оценкой они сделаны? – В соответствии с такой-то и такой-то. – Взносы эти получил кто? – Вот они. – И должен был проследить за свидетельствованием обо всем этом: о решениях, о размере взносов, о сделанных взносах, о получивших их, и если все было бы полностью в порядке, то – верить этому счету, если же нет, – то сейчас представить свидетелей, если была бы какая-то ложь в том, что я насчитал ему»³⁷.

13. (1) Все это тут отрывисто, состоит из вопросов и ответов, к чему Лисий прибегает менее всего, а Демосфен, получивший основы от Исея, – не скупясь, как например³⁸:

«Так ты, значит, имеешь в виду жалованье? – скажет кто-нибудь. – Да, и притом немедленный один и тот же порядок для всех, афиняне, так, чтобы каждый, получая свою часть из государственных средств, испытал то, что и требуется полису. Вот дается жить в мирное время. Пусть исполняет оставаясь дома...³⁹ избавленный от того, чтобы из-за нужды по необходимости делать что-нибудь зазорное. Случается нечто такое, каково и нынешнее положение⁴⁰. Пусть сам служит воином, получая эту же самую плату, как это и справедливо в службе за отечество. Кто-то уже вышел из нашего призывного возраста⁴¹. Сколько он получает сейчас при отсутствии порядка и не приносит пользы, пусть получает это при равном для всех порядке, наблюдая и исправляя все то, что должно делаться. В общем же я, и не отняв и не прибавив ничего, разве только устранив небольшой беспорядок, привел полис к порядку, одному и тому же для всех, установив такой порядок, чтобы получать плату, нести военную службу, судить, делать то, что каждый должен по возрасту, и чему приходит время».

(2) А вот слог сжатый и крайне смелый, оттого что складывается из краткости, замысловатости и необычности, и не всем и не сразу понятен:

«И он вот, пакостнейший из всех людей, хотя они не представляют свидетелей, в присутствии которых будто бы, как они утверждают, они отдали нам, требует верить скорее тем, что они отдали нам, чем нам, что мы не получили. Да ведь всем ясно, раз они-то лишали всего вот его отца, полноправного гражданина, что они не отдали бы нам по своей доброй воле, а взыскать мы, находясь в таком положении, не смогли бы»⁴². И это ведь фигура, к которой часто прибегает Демосфен:

³⁷ См. речь Исея III. 28.

³⁸ Пример приводится из речи Демосфена: Третья Олифская речь. III. 34–35.

³⁹ Текст испорчен. В переводах этого отрывка из Демосфена у Дионисия Галикарнасского § 34 оформлен как ряд вопросов и ответов.

⁴⁰ «нынешнее положение» – т.е. война.

⁴¹ Призывной возраст – до 60 лет.

⁴² См. Демосфен. Третья Филиппика. IX. 13.

«И после этого вы думаете, тогда как те, которые не смогли бы причинить ему никакого зла, но сами убереглись бы от испытания зла, наверное, что их он предпочитает обманывать кругом, чем применять силу, предупредоляя, а с вами начать воевать после предупреждения?!» (3) И вот еще такое⁴³:

«Ведь у кого все наличное имущество, кроме заложенного, израсходовано на исполнение общественных повинностей, а желающему взять займы никто не дал бы под залог этого имущества уже больше ничего, продавшему доходы с него, и хотя право владения им принадлежит мне неоспоримо, вот они, вчинив такой значительный иск и утверждая, что оно принадлежит им самим, воспрепятствовали мне на счет его провести восстановительные работы»⁴⁴. Да к чему затягивать дальнейшими сопоставлениями? Ведь многое можно найти у Исея по сочетанию слов и по применению фигур, отличающимся, с одной стороны, от слога Лисия, а с другой стороны, – схожим с поразительной силой красноречия Демосфена.

14. (1) А сказав и относительно изложения дела⁴⁵, что он искуснее Лисия в построении и всей речи целиком, и ее частей, и ничего не составлял без искусности, к которой, к большой, после этого прибег Демосфен, я хочу и этому представить доказательства. Говорить же я буду и обобщенно и как к прочитавшим Исея, так как нет возможности приводить примеры на все.

(2) Начать с того, что рассказ о деле он приводит в надлежащем месте речи то без предуготовления, сжато и нисколько не предвосхищая доказательную часть, как, вот, он делает в речи «Против Медонта»⁴⁶, в речи «Против Гагнотея», в речи об оспаривании «Против членов дема по делу об имении» и в целом ряде других. То, разбив его на разделы и к каждому из них приложив доказательства, он и делает более растянутым рассказ о деле, и отступает от его положенного построения, прибегая к соображению выгоды. (3) К этому виду относится защитительная речь «Против Гермона по делу о поручительстве», и речь об оспаривании «Против Эвклида по делу о выкупе имения», и обращение в суд против вынесенного решения «В защиту Эвфилета против дема Эрхийцев»⁴⁷. (4) Вот ведь в этих речах рассказ о деле, и без того длинный, он располагает не разом целиком, но распределяя по частям, к каждому разделу и приводит свидетелей и представляет все остальные доказательства, боясь, насколько мне лично кажется, что трудно будет следить за речью из-за множества разделов и что зачастую доказательства, сведенные все в одно место, которых много и которые касаются многих предметов, могут замутить ясность. (5) Ну вот а после рассказа, так построенного, он уже не подкрепляет предыдущие доказательства многими доводами и не схоже с новыми сочинителями искусства реторики, но считает, что следует опровергать доказательства судебных противников.

15. (1) А то он предуготовляет до рассказа некоторые факты и предвосхищает предстоящее, полагая, что делает рассказ более заслуживающим доверия или по какому-то иному соображению – более выгодным, как можно найти, что он сделал это в речи по иску о вступлении в наследство⁴⁸ «Против Аристогитона и Архиппа», в которой некто, брат скончавшегося, оспаривая наследство, вызывает в суд держащего в своем владении невидимое имущество⁴⁹ предстать для предъявления его, а держащий в своих руках наследство подает протест против принятия к рассмотрению этого вызова в суд, заявляя, что имущество это отказано ему по завещанию. А так как оспаривание тут оказывается двойное, одно, касающееся того, было ли завещание или нет, другое же, поскольку завещание оспаривается

⁴³ Нижеследующий отрывок относят к неидентифицированной речи Исея, см. фрагмент XII. 2 у Русселя.

⁴⁴ Этот текст очень испорчен и многими вносится много исправлений, но остается очень неясным, не из-за стиля (как говорит Дионисий), но из-за испорченного и исправленного текста.

⁴⁵ См. выше 3. 4–6.

⁴⁶ «Против Медонта» – фрагмент V у Русселя.

⁴⁷ Это речь XII Исея.

⁴⁸ «в речи... наследство» – по другой конъектуре «в речи по вызову в суд». Фрагмент I у Русселя.

⁴⁹ τὰφανὴ χρῆματα – имущество, обращенное в деньги.

уже, – кто должен владеть наследством, он⁵⁰, сперва приведя законы и доказав в этой части, что наследство, подлежащее присуждению, не должно быть во владении до суда, тогда-то и переходит к рассказу, которым доказывает, что завещания покойным и не было сделано. (2) И рассказ этот он подает не просто как-то ужав и безыскусно, но, и без того слишком длинный, распределяет на отрезки какие-то и по каждому разделу просит взойти свидетелей, велит зачитывать поданные требования, представляет заключенные соглашения и прибегает к очевидным доказательствам, показаниям и доказательствам на основании правдоподобности всем.

(3) Много я мог бы привести и других рассказов о деле, построенных этим оратором к выгоде с помощью предуготовлений, подготовлений, разделений на части, перестановок мест, перемещения фактов, с помощью того, что передвинуты разделы, что события изложены не по их временной последовательности, что они произошли не все и не так, как это было бы естественно, и говорится о них не так обыкновенно, как сказал бы какой-нибудь простой человек, с помощью тьмы других таких способов, (4) но ни времени достаточного я не имею говорить о всех рассказах, обстоятельно указывая вместе с тем при каком из них искусный прием, как я хотел бы, ни обращение к знающим эти предметы слово не имеет нужды во множестве примеров для доверия ему, но таким достаточно и короткого указания.

16. (1) Скажу я и обобщенно об этом виде, какое у меня мнение о нем и чем отличается, по-моему, Исей от Лисия. Читая рассказ у Лисия, едва ли кто-нибудь заподозрил бы, что что-то в нем говорится по искусности или подлости, напротив, воспринял бы как то, что производят природа и правда, не зная самого того, что величайшая задача искусства заключается в подражании природе. (2) При рассказе же у Исея он испытал бы противоположное, заподозрив, что ничего в нем не говорится непосредственно и неотделанно, даже если сказано о некоторых действительно происшедших событиях, но все – с помощью искусных приемов с какой-нибудь иной злокозненной целью. И одному, даже если тот говорит и ложь, он поверил бы, а к другому, даже если этот говорит правду, не отнесется без подозрительности.

(3) А в доказательной части можно, пожалуй, счесть, что Исей отличается от Лисия тем, что говорит прибегая не к энтимеме, а к эпихиреме⁵¹, не кратко, а пространно, и не просто, а тщательно, более преувеличивает, более поразительными изображает факты, чувства изображает более благородными. Ведь во всем этом, конечно, не менее ясно, что он дал основы искусности Демосфена, а к простоте Лисия не стремился, как можно заключить на основании многих речей, а более – на основании всех написанных им. (4) Если же нужны и примеры, то, чтобы кому-нибудь не показалось, что мы говорим бездоказательно, я сделаю и это, изложив речь в защиту Эвфилета<...>⁵².

18. (1) Таков стиль речей Исея, и таковы различия по сравнению с направлением Лисия. Но ничто не препятствует и в обобщенном охвате с кратчайшим указанием сказать самое очевидное, что, мне кажется, Лисий стремится больше к правде, а Исей – к искусности, и тот настроен на обаятельность, а этот – на поразительность. (2) Если же кто-то отнесется с пренебрежением к этому как мелочам и пустякам, тот уже не будет способен судить о них. Ведь похожести смутят его мысль, так что он не сможет распознать особый стиль того и другого. И об этом, какого я держусь мнения, ясно показано мной.

⁵⁰ «он» – т.е. Исей.

⁵¹ ἐνθύμημα и ἐπιχείρημα. Энтимема и эпихирема – два вида неполного, сокращенного силлогизма (в логике), когда опущены большая или меньшая посылка, или даже вывод. Они употребляются и в риторике (реторический силлогизм, когда та или иная часть силлогизма не высказывается, а только подразумевается). В повседневной речи обычно пользуются сокращенными силлогизмами. В риторике это прием логического убеждения. Простое объяснение этого: Лисий употребляет при доказательстве энтимемы, Исей – эпихиремы, т.е. Лисий доказывает суммарно, а Исей – подробно и точно.

⁵² См. речь XII Исея.

19. (1) А теперь я хочу и о других ораторах повести речь⁵³ <...>.

20. ... (5) Что же касается третьего, Исея, то, если бы спросили меня, почему я присовокупил его⁵⁴, конечно, ревностного последователя Лисия⁵⁵...

ДИНАРХ

Динарх – последний из канона 10 афинских ораторов. Жил в IV в. до н.э.

1. (1) Об ораторе Динархе я ничего не сказал в моей работе «О древних ораторах», потому что он ни создателем особого стиля не стал, как Лисий, Исократ и Исей, ни усовершенствователем созданных другими, как Демосфен, Эсхин и Гиперид, по нашему суждению.

ДЕМОСФЕН

[о слоге Демосфена]

8. (1) ...я обращаюсь к Демосфену, ради кого я и перечислил стили речи, которые считаю самыми лучшими и главенствующими в них, не всех: ведь, конечно, Антифонт, Теодор и Поликрат, Исей, Зоил и Анаксимен и их современники не преуспели ни в чем ни новом, ни превосходящем, а сработали свой слог исходя из этих стилей и по этим образцам...

II

Псевдо-Плутарх

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ДЕСЯТИ ОРАТОРОВ

Это произведение приписано Плутарху (ок. 46–119 гг. н.э.), знаменитому греческому автору «Сравнительных жизнеописаний» и других сочинений (Моралии). Но некоторые считают, что оно действительно принадлежит Плутарху. Жизнеописание Исея (839 E–F) – самое краткое в этом произведении.

ИСЕЙ

Исей был халкидянин родом, но прибыл в Афины и проучился у Лисия, и по слаженности слов и по поразительной силе в изложении дела так, что если кто не был бы искушен очень в стиле их, тот не смог бы распознать с легкостью многие из их речей, которому из этих двух ораторов они принадлежат. Расцвет его жизни относится ко времени после Пелопоннесской войны, как можно заключить по его речам, и прожил он до времени власти Филиппа. Он стал учителем Демосфена, после своей учебы, за плату в десять тысяч драм, – потому главным образом он и стал всем известен. Он сам и опекунские речи составлял для Демосфена, как говорят некоторые⁵⁶. Оставил он шестьдесят четыре речи, из которых подлинными являются пятьдесят, и свои собственные сочинения об искусстве реторики. Он первым начал и украшать фигурами и обращать мысль к слогу речи перед гражданами, в чем особенно подражал ему Демосфен. Упоминает о нем комедиограф Теопомп в «Тесее»⁵⁷.

⁵³ В главах 19–20 Дионисий дает очень краткий обзор представителей теории и практики реторики V–IV вв. до н.э. с очень краткой характеристикой и оценкой их, выделив как выдающихся (до Демосфена) Лисия, Исократ, а также Исея. Однако в оценке роли Исея (между Лисием и Демосфеном) здесь отмечается противоречивость у Дионисия Галикарнасского.

⁵⁴ «присовокупил» – т.е. к двум установленным здесь Дионисием образцам – Исократ и Лисия.

⁵⁵ См. выше, 2. 2: «В стиле он (т.е. Исей. – *Г.Т.*) по большей части был ревностным последователем Лисия».

⁵⁶ Сохранились речи Демосфена против своих опекунов (XXVII–XXXI).

⁵⁷ *Theopomp.* Fr. 18. I, p. 737 K. Теопомп – афинский комедиограф, IV в. до н.э. Сохранились фрагменты его комедий.

III

Плутарх

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ. ДЕМОСФЕН

5. ...Учился Демосфен красноречию у Исея, хотя в то время преподавал Исократ, то ли, как говорят некоторые, потому, что не мог внести Исократу установленную плату в десять мин, по своему сиротству, то ли потому, что предпочитал для своей надобности красноречие Исея как впечатляющее и изворотливое.

IV

Либаний

ВВЕДЕНИЕ К РЕЧАМ ДЕМОСФЕНА

(перевод С.И. Радцига)

Либаний (314–393 гг. н.э.) – греческий ритор.

5. Некоторые утверждают, что речи против опекунов⁵⁸ принадлежат Исею, а не Демосфену, так как считают это невероятным по возрасту оратора (когда он судился с опекунами, ему было восемнадцать лет), а также и потому, что эти речи как-то очень похожи по слогу на речи Исея. Другие, наоборот, думают, что они, хотя и составлены Демосфеном, но выправлены Исеем. Однако нет ничего удивительного, если Демосфен уже в том возрасте мог сочинять подобные речи (позднейшие его успехи служат ручательством этого); занимаясь же с юности под руководством Исея как учителя, он во многих случаях подражал его манере.

V

ОБ ИСЕЕ

(это краткое жизнеописание сохранилось
в рукописях речей Исея под названием *Γένος Ἰσαίου*)

Оратор Исей был, по словам одних, родом афинянином, а по словам других, халкидянином, от отца Диагора, учеником оратора Исократа, учителем Демосфена. Расцвет его жизни относится ко времени после Пелопоннесской войны, прожил он до времени власти Филиппа, как говорит искусный судить об этом Дионисий Галикарнасский. Говорят, что в юности он предавался удовольствиям и попойкам, гонялся за изысканными одежаниями, беспрестанно влюблялся, а возмужав, настолько переменял свой образ жизни, что стал казаться другим человеком. Во всяком случае, когда Ардий спросил его, красива ли такая-то на его взгляд, говорят, что он сказал: «Не знаю. Таких глаз я лишился». Говорит же об этом Филострат в «Жизни софистов»⁵⁹, не непременно этого имея в виду Исея: несомненно во всяком случае он называет его даже Ассирийским. А точное время его смерти неизвестно.

Он был весьма ревностным последователем стиля Лисия, так что даже не легко различить их речи. Есть у них общность и в слоге, и в энтимемах. В слоге – в том, что у Лисия он чистый, точный, с прямым значением слов и сжатый, а у Исея схож во всем этом почти. А различие в том, что у Лисия в нем много простоты, соответствия с нравом говорящего и большая обаятельность, у Исея же можно, пожалуй, счесть, что он более искусный, более тщательный и разукрашен разнообразными фигурами, а насколько он уступает в обаятельности, настолько превосходит по поразительной силе красноречия. Так вот, в слоге мы

⁵⁸ Первые речи Демосфена.

⁵⁹ Флавий Филострат – греческий писатель II–III вв. н.э., автор «Жизни Аполлония Тианского» и «Жизнеописаний софистов» и др.

найдем такое различие, а в изложении дела – то различие, что у Лисия мы не найдем большой искусности ни в разделении излагаемого дела на части, ни в расположении энтимем, у Исея же большая тщательность в искусности. Он ведь и к предуготовлениям прибегает и к более искусным разделениям на части, и судебного противника всячески чернит, а судей берет хитрым приступом. Силен он в судебном красноречии, и занимался почти только этим. Несомненно, во всяком случае, его называли в какой-то мере источником поразительной силы красноречия Демосфена.

В этом было различие между Лисием и Исеем, так что Лисий, даже говоря в защиту несправедливого дела, был убедителен, а Исей, даже говоря в защиту правого дела, вызывал подозрение.

VI

Гарпократион

ЛЕКСИКОН ДЕСЯТИ ОРАТОРОВ

s.v. Ἰσαῖος

Исей – один из десяти ораторов, ученик Исократ, учитель Демосфена, афинянин родом, как говорит Гермипп по второй книге сочинения «Об учениках Исократ». А Деметрий в сочинении «Об одноименных поэтах» говорит, что он халкидянин.

VII

СЛОВАРЬ «СУДА»

s.v. Ἰσαῖος

Один из десяти ораторов, ученик Исократ, учитель Демосфена, афинянин родом. А Деметрий говорит, что он халкидянин. Он славился и как оратор и как бесплатно обучивший Демосфена.

ИСЕЙ РЕЧИ

I. ПО ДЕЛУ О НАСЛЕДСТВЕ КЛЕОНИМА

В этой речи нет таких данных, на основании которых можно было бы датировать ее, но предположительно ее относят к поздним речам Исея (355 г. до н.э.). Каждой речи в рукописях предпосылается «содержание» речи. Они составлены неизвестным автором.

Содержание

Племянники скончавшегося Клеонима⁶⁰ выступают за наследство по праву родства, признавая, что завешание, которое представляют Ференик, Симон⁶¹ и Посидипп, составленное в их пользу, действительно написал и отдал на хранение у властей Клеоним в гневе на Диния⁶², их опекуна, а впоследствии попытавшись отменить его и послав за астиномом⁶³, внезапно умер, и утвержда-

⁶⁰ Это – сыновья сестры Клеонима.

⁶¹ Считается, что имя «Симон» введено здесь ошибочно. Симон был только другом Клеонима (см. § 31 и § 32 речи).

⁶² Диний – брат мужа сестры Клеонима.

⁶³ Астином – должностное лицо, «смотритель города». Астиномы в Афинах следили за благоустройством города. В Афинах было 10 астиномов.

ют, что Полиарх, их дед, отец Клеонима, предписал, если что случится с Клеонимом, имущество отказать им.

Положение это – двойственное определение относительно оспаривания: ведь те⁶⁴ опираются на состоявшееся вначале завещание, а эти⁶⁵, утверждая, что он⁶⁶ послал за должностным лицом, чтобы отменить завещание, опираются на состоявшиеся действия Клеонима в конце.

(1) Большая перемена произошла у меня, граждане, с кончиной Клеонима. Дело в том, что он при жизни оставил нам свое состояние, а по смерти подверг нас теперь опасности лишиться его. И тогда мы в такой скромности воспитывались им, что никогда не приходили в суд, даже чтобы слушать, а теперь мы явились, чтобы вести тяжбу обо всем имуществе. Они ведь оспаривают не только имущество Клеонима, но и наше отцовское имущество, утверждая, что мы должны ему⁶⁷ деньги, взятые под залог этого имущества.

(2) Даже близкие и родственники их считают, что и в том признаваемом имуществе⁶⁸, которое оставил после себя Клеоним, нам следует иметь равную долю с ними, а они дошли до такой наглости, что стараются вдобавок отнять у нас и наше отцовское имущество, не оттого, граждане, что не знают права, а оттого, что усмотрели наше полное одиночество.

(3) В самом деле, посмотрите, на что полагаюсь и мы, и они предстали пред вами: они – на завещание опираясь такое, какое тот составил не нас вина, но разгневавшись на одного из наших близких, а перед смертью отменил, послав Посидиппа за должностным лицом, (4) мы же – на то, что родом мы ближайšie родственники, что у нас были с ним самые близкие родственные отношения и что законы, по праву ближайшего родства, и сам Клеомен, по его любви к нам, отказали нам наличествующее у него имущество, а кроме того, Полиарх, отец Клеонима, дед наш, предписал: если с Клеонимом что случится, оставшимся бездетным, отказать свое имущество нам. (5) И вот, при стольких у нас основаниях, они, хоть и родственники и не могут сказать ничего справедливого, не стыдятся вовлечь нас в тяжбу о том, что даже несколько не родственникам стыдно было бы оспаривать. (6) Но, видать, граждане, мы относимся друг к другу не одинаковым образом. Я-то ведь не оттого, что несправедливо подвергаюсь опасности, считаю это величайшим из зол у нас в настоящее время, но оттого, что веду тяжбу с близкими, против которых и защищаться нехорошо: ведь я счел бы не меньшим несчастьем причинять зло, защищаясь против них, близких, чем испытывать зло от них первых. (7) А они не такого держатся мнения, но набросились на нас, и друзей призвав, и ораторов подрядив, и ничего не упустив из своих возможностей, словно с намерением, граждане, отомстить врагам, а не причинить зло родным и родственникам. (8) Так вот, об их наглости и алчности вы еще больше узнаете, после того как услышите все. А с чего, думаю, вы скорее всего можете уяснить себе, о чем мы спорим, с того я и начну излагать.

(9) Дело в том, что Диний, брат нашего отца, стал нашим опекуном, он – будучи дядей, мы – сиротами. А с Клеонимом, граждане, он как раз был в ссоре. Конечно, кто из них обоих был виноват в этой ссоре, наверное не мое дело обвинять, разве только я по справедливости мог бы лишь упрекнуть их обоих за то, что они, и друзья до той поры, и без всякого повода, из-за нескольких слов просто так прониклись враждой друг к другу. (10) Как бы то ни было, из-за этого гнева Клеоним и делает это завещание, не нас вина, как он впоследствии...⁶⁹ говорил, а видя, что мы находимся под опекой Диния и боясь, как бы сам он не скончался, оставив нас еще детьми, и правомочным имущества, поскольку оно будет нашим, не стал Диний. Он ведь считал диким оставить злейшего врага опекуном своих близких и правомочным своего имущества и чтобы совершал ему установленные обряды тот, пока мы не достигнем совершеннолетия, с кем он при жизни был в ссоре. (11) Так рассудив, правильно ли или нет, он составил это завещание. И когда Диний тотчас же,

⁶⁴ Т.е. ответчики.

⁶⁵ Т.е. истцы.

⁶⁶ Клеоним.

⁶⁷ Клеониму.

⁶⁸ Т.е. неоспариваемом.

⁶⁹ Текст испорчен.

без промедления, стал спрашивать, винит ли он в чем-то нас или отца нашего, он ответил в присутствии всех граждан⁷⁰, что ни в чем дурном не винит, и засвидетельствовал, что составил это завещание в гневе на него и неправильно обдумывая. В самом деле, как мог он, граждане, находясь в здравомыслии, захотеть причинять нам зло, ни в чем перед ним неповинными? (12) Впоследствии же, что служит нам наиболее веским очевидным доказательством того, что и поступил он так, не желая вредить нам, а именно: когда Диний скончался и дела у нас были в скверном положении, он и не допустил, чтобы мы нуждались в чем бы то ни было, но самих нас привел в свой дом и воспитывал, а состояние, которое заимодавцы замыслили отнять, спас нам, заботился о наших делах так же, как о своих. (13) А ведь судить о его намерении следует скорее по этим действиям, чем по завещанию, и в качестве очевидных доказательств приводить не совершенные в гневе поступки, в которых всем нам свойственно ошибаться, а те, посредством которых впоследствии он сделал очевидными свои помыслы. Да еще более под конец он ясно показал, как относился к нам. (14) Ведь уже хвораю той болезнью, от которой скончался, он пожелал отменить это завещание и велел Посидиппу привести должностное лицо. А тот не только не привел, но даже пришедшего из должностных лиц к двери спровадил прочь. Разгневавшись на него, Клеоним вновь велел Диоклу позвать должностных лиц на следующий день, и хотя он был не в таком уж тяжелом состоянии, но еще были большие надежды, внезапно в эту ночь он умер. (15) Так вот, прежде всего я представлю вам свидетелей в том, что не нас вина, а вражда с Динием, составил он это завещание, затем в том, что, когда тот скончался, он и заботился обо всех наших делах и нас самих воспитывал, приведя в свой дом, а кроме того в том, что он послал Посидика за астиномом⁷¹, а этот не только не позвал того, но даже пришедшего к двери... спровадил прочь. (16) Ну а что я говорю правду, зови мне свидетелей.

СВИДЕТЕЛИ

И еще, в том, что их друзья и Кефисандр считали, что состояние должно быть разделено и мы должны иметь третью часть всего имущества Клеонима, зови мне свидетелей и этого.

СВИДЕТЕЛИ

(17) Я-то полагаю, граждане, что всем оспаривающим наследство, когда они доказали, как мы, свое преимущество и по родству, и по любви к покойному, излишне приводить остальные доводы. Но поскольку они, не имея ни того, ни другого, осмеливаются оспаривать не принадлежащее им и стряпают лживые доводы, я хочу вкратце сказать и об этих их доводах. (18) Они ведь опираются на завещание, говоря, будто Клеоним посылал за должностным лицом, не отменить желая его, а исправить и подтвердить дарение в их пользу. Но вы смотрите, естественно ли то, что Клеоним пожелал отменить составленное в гневе завещание, поскольку стал относиться к нам по-родственному, или то, что он имел в виду еще вернее лишить нас своего имущества? (19) Ведь все другие и в том, что они в гневе несправедливы со своими близкими, позднее раскаиваются. А эти представляют его, в то время когда у него были с нами самые близкие родственные отношения, желающим пуще подтвердить то завещание, которое он сделал в гневе. Так что, если бы и мы признали это и вы бы сами поверили, разумеете, что они обвиняют его в совершенном умопомешательстве. (20) В самом деле, какое безумие может быть больше этого, чем то, что тогда, когда он как раз был в ссоре с Динием, он пожелал нам причинять зло и составить такое завещание,

⁷⁰ «всех граждан» – предлагается много конъектур. Если рукописное чтение понимать буквально, то оказывается, что этот вопрос был в народном собрании. Но, может быть, надо понимать так, что это происходило в частной обстановке, где Клеоним отвечал перед присутствовавшими, которые все были граждане, т.е. могли быть в случае надобности свидетелями (которыми не могли быть женщины, дети, рабы, неграждане, т.е. метеки). См. ниже «засвидетельствовал».

⁷¹ Завещание отдавалось на сохранение любому должностному лицу, а не только астиномам.

в силу которого не тому мстил, но поступил несправедливо с самыми близкими родными, а вот теперь общаясь с нами и считая нас самыми своими дорогими из всех, – одних только своих племянников, как утверждают вот они, лишит наследства в своем имуществе?! И кто, находясь в здравом уме, граждане, решил бы такое о своем имуществе?! (21) Так что этими своими доводами они уже делают легким для вас суждение о них. Ведь если он желая отменить завещание посылал за должностным лицом, как утверждаем мы, то у них нет ни одного довода, если же он впал в такое помешательство, чтобы все еще ставить нас ни во что, первых по родству и имеющих с ним самые близкие родственные отношения, то вы бы по справедливости, конечно, сочли такое завещание недействительным.

(22) Еще вот имейте в виду, что утверждая, будто Клеоним звал должностное лицо для того, чтобы подтвердить дарение в их пользу, они, несмотря на веление им, не решились привести, а даже пришедшего из должностных лиц к двери спровадили. И поскольку им пришлось выбирать ту или другую из двух крайних противоположностей – или владеть потом состоянием, более подтвержденным или, если не исполнят его веления, стать потом ему ненавистными, они предпочли ненависть этому дарению! (23) Да и как может то или другое из этого оказаться менее вероятным? Собирающиеся получить от этого такую огромную выгоду остереглись, словно им за то грозило наказание, исполнить поручение, а Клеоним ради их пользы проявил такое усердие, что на Посидиппа, за то, что тот пренебрег поручением, разгневался, а на следующий день опять попросил о том же Диокла!

(24) Вот ведь если, граждане, как они утверждают, в завещании, в нынешнем записанном виде, он отказал им свое состояние, то, по-моему, достойно удивления и то, что же именно исправив, мог он полагать сделать его более действительным. Ведь для всех других это, граждане, и есть порядок дарений. (25) Кроме того, даже если он хотел что-то приписать в их пользу, почему он не написал это в другой записи и не оставил, поскольку запись у должностных лиц он не смог получить? Отменить ведь, граждане, он мог только ту запись, которая находилась у должностного лица, а написать можно было в другую запись, если он что-то хотел, и не оставлять нам даже этого вопроса спорным. (26) Да если бы мы даже согласились с тем, что он хотел исправить завещание, всем, конечно, ясно вам, что он считал его неправильно составленным. И вот судите и отсюда о наглости их, которые считают, что это завещание должно быть действительным, которое, как они признают, даже сам составивший его считал неправильно составленным, и убеждают вас подать голос противно и законам, и справедливости, и намерению покойного! (27) Еще вот из всех этих их доводов самый бесстыдный – это когда они осмеливаются говорить, будто Клеоним хотел, чтобы мы не получили из его имущества ничего. Однако, граждане, кого других мог бы он предпочесть, чтобы они владели этим, как не тех, которым он и при своей жизни больше всего среди близких приносил пользу из своего имущества? (28) А самое, пожалуй, поразительное во всем этом, что Кефисандр, их близкий родственник, считал справедливым, чтобы каждый из нас владел частью состояния, а Клеоним, который был нам самым близким родственником и, взяв нас в свой дом, пекся о нас и заботился о наших делах, как о своих, один только хотел, чтобы мы были лишены наследства в его имуществе! (29) И кто из вас мог бы поверить тому, что противники наши блажелательнее и мягче к нам, чем самые близкие родные?! И он, кому обязательно было делать нам добро и постыдно – не позаботиться о нас, ничего не дал нам из своего имущества, а они, кому в том ни обязанности нет, ни постыдства никакого, уделяют нам, как они утверждают, из не принадлежащего нам! Нет, в это, граждане, совершенно невозможно поверить.

(30) Еще если бы он скончался, и теперь относясь и к нам, и к ним так, как тогда, когда сделал это завещание, то, естественно, кто-то из вас мог бы поверить словам вот их. В действительности же вы найдете, что все наоборот. Тогда ведь он как раз с Динием, который был нашим опекуном, был в ссоре и к нам так⁷² относился и к ним ко всем дружелюбно был расположен. А теперь он кое с кем из них поссорился, а с нами у него были самые близкие

⁷² «так» – т.е. так же враждебно, как к Динию. Здесь предлагается конъектура.

родственные отношения. (31) И отчего у него с ними произошла ссора, излишне говорить, а признаки ее я вам приведу явственные, о чем и свидетелей смогу представить. Прежде всего, совершая жертвоприношение Дионису и позвав всех своих близких родственников и многих граждан, Ференика он нигде не поставил рядом с собой. Затем, незадолго до кончины идя в Панорм⁷³ с Симоном и встретив его, он и не вздумал заговорить с ним. (32) А еще, кроме того, когда Симон стал расспрашивать об этой ссоре, он и об этой своей вражде рассказал, и вдобавок пригрозил, что, пожалуй, ясно покажет ему когда-нибудь, как относится к нему. И что я говорю правду, зови мне свидетелей.

СВИДЕТЕЛИ

(33) Так думаете ли вы, граждане, что вот так относящийся и к нам и к ним нам, с которыми у него были самые близкие родственные отношения, делал так, чтобы даже слова⁷⁴ не оставить, а для них, кое с кем из которых даже был в ссоре, заботился, чтобы подтвердить за ними все свое состояние? И ими теперь больше дорожить, несмотря на эту остающуюся вражду, а нам, несмотря на наставшую такую большую родственную близость и любовь, стараться больше причинять зло? (34) Но я-то, если бы они хотели выступить против этого завещания или против покойного, не знаю, что бы могли они сказать вам иное, они-то, которые представляют завещание и неправильно составленным и не нравившимся составившему, а его обвиняют в таком безумии, что утверждают, будто он больше дорожил теми, кто с ним не в ладах жил, чем теми, с кем он в близких родственных отношениях был, и тем, с кем при жизни он даже не разговаривал, отказал все свое состояние, а тех, с кем у него были самые близкие родственные отношения, не счел достойными даже ничтожной части. (35) Так что кто из вас мог бы подать голос за то, что это завещание действительно, которое составивший его отверг как неправильно составленное, а они на деле отменяют его, поскольку хотят иметь в состоянии равную долю с нами, а кроме того, мы вам доказываем, что оно противно и закону, и справедливости, и намерению покойного?

(36) Думаю, что справедливое относительно нас вы совершенно ясно можете узнать от них самих. Ведь если бы их спросили, почему они считают, что должны стать наследниками имущества Клеонима, они то лишь могут сказать, что и родом каким-то образом они родственники, и он какое-то время был дружелюбно расположен к ним. Так разве тем самым не сказали бы они скорее в защиту нас, чем в защиту самих себя? (37) Ведь и если по праву ближайшего родства по степени родства должны стать наследниками, то мы по степени родства более близкие родственники, и если – по любви существующей, то все знают, что у него были с нами более близкие родственные отношения. Так что не от нас, а от них самих надо узнать справедливое. (38) Но всего поразительнее было бы, если бы вы стали в пользу других подавать голос, когда они станут доказывать то или другое из этого о самих себе, что по родству ли, по любви ли к покойному они имеют преимущество, а нас, у кого есть и то и другое, признаваемое всеми, одних только сочтете должным лишить наследства в его имуществе.

(39) И если бы Полиарх, отец Клеонима, а наш дед, был жив и нуждался в необходимом или Клеоним скончался, оставив после себя не имеющих средств дочерей, то мы по долгу ближайшего родства и деда содержать в старости были бы обязаны, и дочерей Клеонима или сами взять в жены или давая приданое выдавать за других, притом нас делать это обязывали бы и долг родства, и законы, и предание вами позору, а не то нам пришлось бы подвергнуться величайшим наказаниям и крайнему бесчестью. (40) А если было оставлено состояние, вы сочтете справедливым, чтобы его наследовали скорее другие, а не мы? Стало быть, вы будете подавать голос не за справедливое, и не за полезное вам самим, и не за соответствующее законам, если несчастья разделять будете обязывать ближайших по

⁷³ Панорм – порт (главная гавань) на восточном побережье Аттики.

⁷⁴ «Даже слово» – *μηδὲ λόγον*. Неясно. Предлагаются конъектуры: *μηδ' ὀλίγον* («даже немногого»), *μηδ' ὀβολον* («даже обола»), *μηδὲν ὅτιον* («совершенно ничего»).

родству, имущества же оставленного более правомочным будете делать всякого человека, а не их.

(41) А надо, граждане, и по родству, и по правде дела, как вы и поступаете, подавать голос скорее за тех, кто оспаривает по степени родства, чем за тех, кто оспаривает по завещанию. Ведь родственную близость по степени родства все вы знаете, и в этом невозможно солгать перед вами. А завещания уже многие представляли ложные, причем одни – вовсе не состоявшиеся, а некоторые завещания были неправильно обдуманными. (42) И теперь вы наше родство и родственную близость, на основании которых мы ведем тяжбу, все знаете, а завещание, полагаясь на которое они облыжно сутяжничают против нас, никто из вас не знает, было ли оно действительным. Затем вы найдете, что наше родство признается и самими нашими противниками, а завещание нами оспаривается, потому что они, когда он хотел отменить его, воспрепятствовали этому. (43) Так что вам, граждане, гораздо правомернее подать голос по степени родства, признаваемого и нами, и ими, скорее чем по завещанию, состоявшемуся не по справедливости. А кроме того, учтите, что отменил его Клеоним, находясь в здравом уме, составил же находясь в гневе и неправильно обдумывая, так что всего поразительнее было бы, если вы признаёте действительным его гнев, а не рассудок. (44) Думаю, вы считаете, что вы и вправе получать и, если вам не достается, вправе возмущаться, от тех, у кого есть основание, чтобы им и от вас досталось то же. Стало быть, если бы случилось так, что Клеоним был бы жив, а дом наш или их обезлюдел, посмотрите, которого из этих двух он стал бы наследником: ведь справедливо, чтобы владели его имуществом те, от кого полагалось бы и получить ему. (45) Стало быть, если бы скончался Ференик или кто-нибудь из его братьев, то их дети, не он⁷⁵ стал бы правомочным оставленного имущества, а постигни такая участь нас, то Клеоним стал бы наследником всего. Ведь у нас не было бы ни детей, ни других родственников, а он и по степени родства был ближайшим родственником и в своем отношении к нам был самым близким из всех. (46) Так что поэтому и законы отказывают ему, и мы не сочли бы никого другого имущим право на этот отказ. Ведь мы, конечно, при нашей жизни не так вверили бы ему свое состояние, чтобы относительно нашего имущества его намерения были правомочнее наших, а после нашей смерти предпочли бы других наследников этого имущества самому близкому из всех родственнику. (47) Так что нас, афиняне, и в том и в другом, и в отказе и в получении вы найдете близкими родными, а их – сейчас нагло заявляющими и о своей родственной близости и о своем праве ближайшего родства, потому что ожидают получить что-то, а в отказе они предпочли бы ему многих родственников и друзей как более близких.

(48) Суть же всего сказанного, на что всем вам следует обращать внимание: по мере того, как⁷⁶ они говоря это, будут доказывать и пытаться убедить вас, что он составил это завещание и никогда впоследствии не раскаивался в этом, и вот теперь он хотел, чтобы мы ничего из его имущества не получили, а подтвердить отказ в их пользу, (49) и говоря все это и настаивая на этом, не докажут ни того, что они по степени родства более близкие родственники, ни того, что у них были с Клеонимом более близкие родственные отношения, чем у нас, вы разумеете, что они обвиняют его, а не показывают вам, что их дело – справедливое. (50) Так что, коли вы будете верить их словам, то надлежит не наследниками его имущества сделать их, но признавать упомощательство Клеонима, а коли нашим, то считать и что он правильно обдумал, желая отменить завещание, и что мы не сутяжничаем облыжно, а по справедливости оспариваем их. (51) Еще, граждане, имейте в виду, что вам невозможно по их словам узнать о них. Ведь всего поразительнее было бы, если, тогда как противники наши признают справедливым, чтобы мы получили часть их наследства, вы подадите голос за то, чтобы они владели всем, и сочтете нужным, чтобы они получили больше, чем они сочли для самих себя, а нас не сочтете достойными и того, что противники наши уступают нам.

(Продолжение следует)

⁷⁵ Клеоним.

⁷⁶ «По мере того, как» – ѓѓѓ. Неясно. Предлагается много исправлений в тексте.